

Земляничин Владимир Александрович

ИДЕЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛО-БУРГУНДСКОГО СОЮЗА 1419 Г.

Статья раскрывает эволюцию англо-бургундских отношений в 1419 г. и роль идеи восстановления справедливости как важнейшей ценностной категории средневекового общества в процессе складывания англо-бургундского союза, нашедшего своё юридическое оформление в Мантских соглашениях 1419 г. Автор акцентирует внимание на роли принципа восстановления справедливости в разрыве арманьяко-бургундских отношений и переориентации Бургундии на союз с Англией, а также на значении союза с Бургундией во французской политике английского короля Генриха V.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 76-79. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

FUNERAL LAMENTATIONS OF RUSSIAN POPULATION OF THE VOLGA-TERESHKA VALLEY OF SARATOV VOLGA REGION

Zakatova Natal'ya Aleksandrovna

*Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
zakatova_n@mail.ru*

The article examines the typology of the funeral lamentations of the Russian population of the Volga-Tereshka valley of Saratov Volga region and is the first experience of ethno-musicological interpretation. The author introduces the classification of lamentations, considers the typical prosodic models, reveals their structural and typological peculiarities at the level of the rhythmical and pitch organization of the tunes. The chronological frameworks of the research cover the beginning of the XX – the first decade of the XXI century, which is determined by the availability of factual basis. The relevance of the theme is conditioned by common funeral lamentation tradition and by the fact that the genre is almost unexplored within the analyzed territory.

Key words and phrases: Saratov Volga region; Volga-Tereshka valley; funeral lamentation tradition; typology of lamentation tunes; prosodic models of lamentations.

УДК 94[47+57]

Исторические науки и археология

Статья раскрывает эволюцию англо-бургундских отношений в 1419 г. и роль идеи восстановления справедливости как важнейшей ценностной категории средневекового общества в процессе складывания англо-бургундского союза, нашедшего своё юридическое оформление в Мантских соглашениях 1419 г. Автор акцентирует внимание на роли принципа восстановления справедливости в разрыве арманьяко-бургундских отношений и переориентации Бургундии на союз с Англией, а также на значении союза с Бургундией во французской политике английского короля Генриха V.

Ключевые слова и фразы: международные отношения; позднее средневековье; Столетняя война; Мантские соглашения; справедливость; Генрих V; Филипп Добрый; англо-бургундский союз.

Земляничин Владимир Александрович, к.и.н.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
zemlyanitsin79@yandex.ru*

ИДЕЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛО-БУРГУНДСКОГО СОЮЗА 1419 Г. ©

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.*

Проблема справедливости в международных отношениях, «справедливой войны», права государства на восстановление «исторической справедливости», в том числе и военными методами, остается одним из актуальнейших вопросов не только в исторической науке, но и, как показывают последние события, в современной политике и общественной мысли. В этой связи представляется более чем актуальным обратиться к проблеме права и справедливости в межгосударственных отношениях эпохи Столетней войны, крупнейшего международного конфликта позднего средневековья, когда в условиях складывания национальных государств в дипломатии продолжали господствовать средневековые этические максимы, и отстаивание государем своих законных прав трактовалось не просто как акт восстановления справедливости, но как священный долг, определяемый его статусом. Возобновление Столетней войны в 1415 г. английским королем Генрихом V было представлено английской дипломатией именно как выполнение государем долга по отстаиванию своих законных прав, грубо попранных французской стороной [7, с. 375]. Военные действия 1415-1420 гг. сопровождались почти непрерывными переговорами, которые английский король вел с представителями различных политических сил Франции [3, с. 10]. И вопрос о «законности прав» английского короля занимал в этих переговорах центральное место. Переломной точкой данного переговорного процесса, на наш взгляд, можно считать 1419 г., завершившийся подписанием Мантских соглашений, ставших основой англо-бургундского альянса и во многом определивших основные положения знаменитого Труаского договора 1420 г.

Подчинив практически всю Нормандию и добившись 19 января 1419 г. капитуляции Руана, Генрих V достиг «того, что не удалось шестьдесят лет назад великому Эдуарду III» [7, с. 385]. Теперь он мог вести переговоры с французами с позиций силы. В конце мая 1419 г. Генрих V встретился в Мелене с герцогом Жаном Бургундским и королевой Изабеллой Баварской, супругой психически больного французского короля Карла VI. На этой встрече он хотел договориться с фактическими правителями Франции о возможности мирного

решения конфликта. Генрих согласился отказаться от претензий на французскую корону при условии, что дочь Карла VI и Изабеллы Баварской Екатерина станет его супругой, а Нормандия и Аквитания будут переданы ему на правах полного суверенитета. Однако и бургундский герцог, и французская королева отвергли требования Генриха, так как принятие подобных условий, по сути, означало согласие на раздел Франции, а это вело к полной дискредитации их как правителей королевства. В итоге переговоры в Мелене закончились ничем.

Герцог Бургундский, понимая, что Англию склонить на смягчение условий мира не удастся, пришел к выводу о необходимости немедленного прекращения бушевавшей во Франции междоусобицы и скорейшего заключения союза со своими политическими противниками – арманьяками. Как отмечал английский исследователь М. Кин, герцог выбрал «единственную возможную альтернативу расчленению территорий французской короны – союз с дофином и арманьяками для противостояния англичанам» [12, р. 192]. 11 июля 1419 г. между Жаном Бесстрашным и дофином Карлом было подписано соглашение в Пуиль-ле-Фор, по которому оба потомка дома Валуа обещали противостоять агрессии англичан, названных в этом договоре «исконными врагами Франции» [6, с. 241].

В свою очередь Генрих V после провала переговоров в Мелене не оставил попыток склонить тех, кто правил Францией от имени короля, заключить с ним соглашение, основанное на признании справедливости его требований. Узнав о соглашении в Пуиль-ле-Фор и желая продемонстрировать французам свою силу, Генрих 31 июля без всякой осады с налета занял Понтуаз, расположенный всего в 25 км от Парижа. Но это произвело впечатление обратное тому, что ожидал английский король: вместо возобновления переговоров с англичанами Жан Бургундский пошел на еще более тесный контакт с арманьяками. 10 сентября 1419 г. дофин Карл, фактически возглавлявший «партию» арманьяков, и герцог Бургундский встретились в Монтеро. Однако, как хорошо известно, переговоры между ними не состоялись, так как в самом начале встречи Жан Бесстрашный был убит охраной дофина. С точки зрения средневековой морали поступок арманьяков представляется вполне оправданным и объясняется как раз священным принципом торжества справедливости: ведь для них герцог Бургундский – это вероломный и бесчестный враг, организовавший в 1407 г. тайное убийство лидера арманьяков Людовика Орлеанского, а в 1418 г. захвативший Париж с помощью предательства и устроивший в столице страшную резню, в которой погибли многие видные представители арманьякской «партии». Еще в начале XIX в. один из историков романтического направления так поэтично охарактеризовал произошедшее в Монтеро: «здесь то ангел смерти обратил наконец на герцога меч справедливого отмщения» [2, с. 39]. Но с точки зрения логики политического мышления этот поступок был совершенно абсурдным. Английский историк Дж. Палмер отмечал, что «необдуманное насилие дофинистов привело бургундцев в армию Генриха» [14, р. 69]. Другой известный исследователь, А. Бён, говорил, что «непосредственным эффектом этого убийства было то, что бургундцы и королева Изабелла воззвали к Англии, чтобы получить помощь против арманьяков» [9, р. 142].

Получив весть об убийстве отца, новый герцог Бургундский Филипп Добрый (до этого носивший титул графа Шароле) вскоре собрал в Аррасе своих сторонников, которые буквально умоляли его вступить с английским королем в союз, направленный против арманьяков. Однако, как нам представляется, в отечественной историографии мотивы перехода бургиньонов к прямому союзу с Англией представлены несколько упрощенно. Так, Н. И. Басовская отмечала, что «часть феодальной верхушки Франции в борьбе за свои клановые интересы использовала войну как радикальное средство, позволяющее добиться желанных целей любым способом» [1, с. 163]. На наш взгляд, ошибочно полагать, что герцог принял решение вступить в этот союз сразу, без всяких колебаний, руководствуясь исключительно соображениями личной выгоды. Двадцатипятилетний Филипп Добрый при жизни своего отца почти не покидал своих нидерландских владений и был новой фигурой на политическом Олимпе французского королевства. Поэтому он не мог быть уверен, что французская знать, даже его непосредственные сторонники, благожелательно отнесутся к резким политическим шагам с его стороны. Французский историк Ж. д'Аву отмечал, что «герцог Бургундский не хотел начинать своего правления с такого опасного предприятия», но наиболее верные сторонники Бургундского дома «видели в наказании убийц Жана Бесстрашного возможность окончательно сокрушить надежды дофина» [10, р. 310]. Бельгийский исследователь П. Бонанфан, изучив материалы канцелярии герцогов Бургундских, пришел к выводу, что вопрос о союзе с Англией самым тщательным образом обсуждался герцогом со своими советниками на протяжении второй половины сентября и всего октября 1419 г. [8, р. 29]. По мнению П. Бонанфана, окончательное решение было обусловлено тремя опасениями Филиппа Доброго. Во-первых, возможностью «полной победы Англии, которую слабость Франции делала вполне возможной и которая имела бы следствием грандиозные политические и социальные потрясения: свержение короля и королевы и захват земель баронами и рыцарями Англии» [Ibidem, р. 31]. Во-вторых, возможностью победы арманьяков в борьбе за власть во Франции и, наконец, в-третьих, возможностью «союза англичан и арманьяков, что было равносильно уничтожению бургундской партии» [Ibidem]. Эту последнюю возможность, также, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счета, поскольку англо-арманьякские переговоры в прошлом имели место, и хотя традиционно Генрих V был более склонен к союзу с Бургундией, в случае отказа Филиппа он мог начать переговоры с дофином, чему есть документальные подтверждения. Поэтому, как нам представляется, союз с Англией стал для Филиппа Доброго далеко не простым, но единственно возможным решением сложившейся политической ситуации.

Переговоры между бургундцами и англичанами начались в Манте в конце октября. В этих переговорах Генрих V заявил посланникам герцога Филиппа, что для него самым важным условием всяких договоренностей является брачный союз с Екатериной Валуа и последующая передача ему французской короны. Как отмечал С. Оболенский, «для английских королей явилась действительная возможность овладеть французским престолом, во что раньше они и сами никогда серьезно не верили» [4, с. 97]. В случае отказа бургундцев

пойти на его условия, английский король угрожал захватить Париж и силой получить то, что ему принадлежит по праву. На Рождество 1419 г. договор между королем Англии и герцогом Бургундии был подписан в Манте на продиктованных Генрихом условиях.

Уже вводная часть Мантского соглашения говорит о его особой важности в системе международных отношений рассматриваемого периода: «С тех пор, как прежде последнего прошедшего месяца сентября между светлейшим принцем Карлом, нашим Французским родственником, и Нами, а также между Нами и высокородным принцем, нашим родственником Филиппом, герцогом Бургундии, некоторые <...> соглашения заключены были, должны быть приведены в порядок дела между вышеупомянутым нашим Французским родственником и Нами, равно как между прославленными королевствами Францией и Англией...» [11, р. 144]. Весьма характерно, что этот договор, очевидно мыслившийся как основа мирного соглашения между английским и французским королевствами, трактуется как трехсторонний, заключенный Генрихом V, Карлом VI и Филиппом Добрым. В реальности Карл VI на переговорах в Манте не присутствовал (да и не мог вследствие очередного обострения болезни), но Филипп Бургундский, как его близкий родственник и крупнейший магнат королевства взял на себя смелость выступать на переговорах не только от своего имени, но и от имени короля, который находился под его полным контролем. Также очень важно отметить, что нигде в договоре Генрих V не называет Карла VI французским королем, но лишь «нашим Французским родственником», что лишним раз подчеркивает его убежденность в законности собственных прав на престол Франции. Генрих заключает соглашение с реально существующей во Франции властью, не признавая при этом ее королевского достоинства, поскольку это достоинство он признает только за собой.

Конечно, в договоре нашли отражение и интересы герцога Бургундского. Во-первых, Генрих V обязался приложить максимум усилий для наказания дофина Карла и вообще всех, кто был причастен к убийству Жана Бесстрашного: «... также будем усердно и тщательно заботиться и стремиться всеми путями и способами, чтобы наказать Карла, дофина Вьенского, и его сообщников, виновных в жестоком убийстве высокородного принца Господина Иоанна, герцога Бургундии» [Ibidem]. Можно предположить, что данное положение было необходимо Филиппу Доброму не только, чтобы осуществить отмщение за убийство отца, чего от него требовала, в том числе, и рыцарская мораль позднесредневекового общества, но и чтобы полностью нейтрализовать возглавляемую дофином партию арманьяков, являвшуюся его главным конкурентом в борьбе за власть. П. Бонанфан обращал внимание на то, что «если уместно в эпоху самого Филиппа говорить о бургундской пропаганде, то она обязывала (*курсив автора* – В. З.) молодого герцога, прежде всего, поддержать свою честь и честь своего дома, отомстив за “это вероломное преступление и отвратительное убийство”» [8, р. 29-30]. Таким образом, какие бы мотивы не преобладали в действиях Филиппа Доброго на переговорах в Манте, принцип восстановления справедливости, бесспорно, был декларирован как важнейшая основа англо-бургундского союза.

В договоре также говорилось о том, что в случае поимки дофина или кого-либо другого, виновного в убийстве Жана Бесстрашного, их нельзя освобождать за выкуп без особо одобрения герцога Бургундского, а по возможности необходимо доставить лично к герцогу или к английскому королю [11, р. 144].

Во-вторых, Филипп Добрый позаботился о расширении своих домениальных владений, что было залогом его относительной независимости от королевской власти, будь то власть Генриха V или кого-либо другого. Согласно Мантскому договору, «самому родственнику нашему Филиппу, герцогу Бургундскому, без расчленения и уменьшения короны Франции передаются земли, владения и домены рядом с землями, владениями и доменами, которые имеет и держит тот же герцог в королевстве Франции, вплоть до ценности в 20 000 парижских ливров годового дохода, и останутся этому родственнику нашему и равным образом нашей родственнице его соправительнице на всю их жизнь, или на сколько им будет угодно, а также их наследникам мужского пола, из тех, которые должны будут родиться» [Ibidem]. Таким образом, Филипп не только закрепил за собой и своими наследниками (причем еще не родившимися) все владения Бургундского дома, но и расширил их за счет территорий, расположенных вне домениальных владений Французской короны. Можно предположить, что это был ряд территорий Священной Римской империи, главным образом в Нидерландах, а также земли, которые планировалось конфисковать у противников англо-бургундского соглашения вообще и арманьяков в частности. Во всяком случае, последующее расширение бургундских владений в период правления Филиппа Доброго подтверждает подобную точку зрения.

Кстати, на наш взгляд, весьма примечательно, что герцог Бургундский даже в период заключения Мантского соглашения стремился сохранить известную независимость от английского короля и укрепить собственные позиции во Франции. Согласно данным, обнаруженным в бретонском архиве Ж. д'Аву, «в то время, пока заключался этот союз (*союз с Генрихом V – прим. автора* – В. З.) герцог Бургундский не пренебрег второстепенным соглашением, которое он смог заключить с Жаном Бретонским (*герцог Бретонский в 1399-1442 гг. – прим. автора* – В. З.) об их совместных действиях против дофина» [10, р. 314]. Нам представляется, что данные факты подтверждают точку зрения Э. Перруа, считавшего, что главная цель Филиппа Доброго «по-прежнему заключалась в том, чтобы вернуться на первое место среди тех, кто правит королевством..., но ни отомстить за отца, ни свергнуть преступного дофина он не мог без помощи Генриха V и твердо решил поддерживать Ланкастеров лишь постольку, поскольку английские армии позволяют ему разбить личных врагов» [5, с. 306]. Во всяком случае, мотив восстановления справедливости в отношении Бургундского дома в значительной большей степени определял действия Филиппа Доброго, чем доверие к английскому королю и признание законности его прав.

Со своей стороны Генрих V, явно опасавшийся чрезмерной независимости Бургундии, настоял на включение в текст договора положения о том, что все земли и владения герцога «должны держаться от короля

и короны Франции в качестве феода» [11, р. 144]. Это означало, что верховным сюзереном всех этих земель все же будет Генрих V в качестве короля Франции, а за владение этими территориями герцоги Бургундские, как и прежде, будут приносить королю оммаж. Таким образом, ради восстановления справедливости в отношении своего собственного дома, Филипп Бургундский был вынужден признать справедливость претензий Генриха V на французский престол и законность его прав суверена.

Договор также не оставил в стороне и столь знаковую в политическом отношении фигуру, как супругу Карла VI королеву Изабеллу Баварскую. Понимая важность ее участия в процессе передачи власти английскому королю, Генрих V и Филипп Добрый постановили, что все указы и распоряжения будут передаваться Карлом VI герцогу Бургундскому «с одобрения светлейшей родственницы нашей Изабеллы, его (*Карла VI – прим. автора – В. З.*) соправительницы» [Ibidem]. Защита прав королевы-соправительницы была очень важным аспектом легитимации перехода французской короны к Генриху V.

Бесспорно, Мантский договор имел огромное значение в развитии французской политики Генриха V. По мнению английского исследователя Р. Ньюолла, «англо-бургундское соглашение <...> обратило его (*Генриха V – прим. автора – В. З.*) к новым завоеваниям во Франции, для которых Нормандия служила только базой» [13, р. 142]. Однако, на наш взгляд, с конца 1419 г. не просто расширились масштабы завоеваний Генриха V, но изменилась сама сущность его политики в отношении Франции. Эти предварительные договоренности Генриха V с Филиппом Добрым стали важным шагом на пути к англо-французскому мирному договору, так как именно герцог Филипп сыграл решающую роль в провозглашении Генриха V «наследником и регентом» Франции.

Несмотря на то, что англо-бургундские переговоры, то прерываясь, то возобновляясь, продолжались с 1411 г., нам представляется ошибочным считать Мантские соглашения их закономерным итогом. Напротив, заключение Мантских соглашений стало результатом стечения конкретных исторических обстоятельств 1419 г. И немаловажную роль в рождении данного соглашения сыграла идея восстановления справедливости, являвшаяся одной из доминантных идей средневековой системы ценностей. Необходимость восстановления справедливости привела арманьяков к убийству Жана Бесстрашного и, следовательно, к полному разрыву с бургундской «партией». Но та же самая идея заставила Филиппа Доброго пойти на союз с Генрихом V и признать справедливость его притязаний на французский престол. Юридически «законные права» английского короля на корону Франции будут оформлены Труаским договором 1420 г., который своим появлением на свет напрямую обязан англо-бургундскому альянсу, ставшему фундаментом английского господства во Франции.

Список литературы

1. **Басовская Н. И.** Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Цель истории – история. М., 2002. С. 152-170.
2. **Жизнь девицы Орлеанской Иоанны де'Арк.** СПб., 1808. 144 с.
3. **Земляничин В. А.** Французская политика королевского дома Ланкастеров (1399-1435 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2015. 20 с.
4. **Оболенский С. С.** Жанна – божья Дева. Paris: YMCA-Press, 1988. 505 с.
5. **Перруа Э.** Столетняя война / пер с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2002. 482 с.
6. **Сьюард Д.** Генрих V / пер. с англ. Т. Н. Замиловой. Смоленск: Русич, 1996. 400 с.
7. **Фавье Ж.** Столетняя война / пер с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2014. 576 с.
8. **Bonenfant P.** Philippe le Bon. Bruxelles: La Renaissance du Livre, 1944. 127 p.
9. **Burne A. H.** The Agincourt War. New Jersey: Wordsworth Editions, 1956. 359 p.
10. **D'Avout J.** La querelle des Armagnacs et des Bourguignons. P.: Gallimard, 1943. 431 p.
11. **Foedera, Conventiones, Litterae et Cujuscunqve Generis Acta Publica inter Reges Angliae et Alios Quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates** / ed. by Th. Rymer. L.: A. & J. Churchill, 1740. Vol. IV. 844 p.
12. **Henry V.** Practice of Kingship / ed. by G. L. Harris. Oxford: Oxford University Press, 1991. 222 p.
13. **Newnall R. A.** The English Conquest of Normandy 1416-1424. Oxford: Oxford University Press, 1924. 367 p.
14. **The Hundred Years War** / ed. by K. Fowler. L.: St. Martin's Press, 1971. 229 p.

IDEA TO RESTORE JUSTICE AS A FACTOR FOR THE FORMATION OF ANGLO-BURGUNDIAN ALLIANCE OF 1419

Zemlyanitsin Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in History
Herzen State Pedagogical University of Russia
zemlyanitsin79@yandex.ru

The article reveals the evolution of Anglo-Burgundian relations in 1419 and the role of the idea of justice as the most important value category of medieval society in the process of the formation of Anglo-Burgundian alliance, which was legalized in the Treaty of Mantles of 1419. The author emphasizes the role of the principle of justice in the break of Armagnac-Burgundian relations and the re-orientation of Burgundy at alliance with England. The researcher also focuses on the importance of alliance with Burgundy in French policy of the English king Henry V.

Key words and phrases: international relations; the late Middle Ages; The Hundred Years' War; The Treaty of Mantles; justice; Henry V; Philip the Good; Anglo-Burgundian alliance.